

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.1.198

СМЫСЛОВАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СЛАВЯНОФИЛЬСТВА В ОЦЕНКЕ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Изучены оценочные взгляды В.О. Ключевского на наследие славянофилов. Поливариантный взгляд на историю помог позитивистски сориентированному ученому выступить в роли конструктивно-критического наблюдателя, способного «уйти» от крайностей спора славянофилов и западников. Для понимания вопроса представлена рефлексия В.О. Ключевского по поводу деятельности двух представителей славянофилов – К.Н. Бестужева-Рюмина и И.С. Аксакова. Выявляя их сильные и слабые замыслы, Ключевский пришел к выводу о том, что славянофильство – это нескончаемый поток мыслей, нацеленных на поиск культурной идентичности. Идеи славянофилов о значимости самостоятельного мышления формулировались задолго до известной журнальной и салонной полемики тридцатых-сороковых годов девятнадцатого столетия, и будут продолжать наполняться новым содержанием в будущем.

Ключевые слова: *культура, славянофилы, западники, самосознание, В.О. Ключевский, К.Н. Бестужев-Рюмин, И.С. Аксаков.*

Смысловая значимость славянофильства – интересная и питательная тема для тех, кто изучает глубины формирования культурной идентичности российского общества. В среде исследователей наблюдается устойчивый, даже можно употребить слово «не стихающий», интерес к главному вопросу славянофилов – как следует вырабатывать тот ход мысли, который должен пробудить самостоятельное мышление. В.В. Зеньковский в своем труде «История русской философии» отмечал сложность вопроса об идейно-теоретических корнях мировоззрения ранних славянофилов. Со всей очевидностью, по его наблюдениям, можно лишь говорить о бесспорном влиянии немецкого романтизма, в частности Шеллинга [3, с. 186]. Сегодня лингвисты достаточно подробно изучают историю лексемы «славянофил», «славянофильство», «западник» и динамику коннотаций этих слов [8]; представители философии истории рассматривают историософию и антропологию славянофилов как национально-консервативную разновидность общеевропейского романтизма XIX столетия [1]; социологи фокусируют внимание на наследии славянофилов с их идеей о возможности объединения разнохарактерных типов знаний [2]; культурологи видят полезность исканий славянофилов для решения проблемы усвоения культурно-исторических традиций, для обогащения и укрепления национального самосознания [6].

© Михайлова Е.Е., 2026

В поливариантном фокусе внимания В.О. Ключевского постоянно находились представители разных направлений философии истории, в частности те, кто, по его мнению, принадлежал к «славянофильской» и «западнической» школе [4, с. 317]. Как сторонник многофакторного анализа, он предпочитал занимать примирительную позицию и старался использовать полезные идеи у всех противоборствующих сторон. Славянофилов Ключевский критиковал за излишнюю идеализацию форм классической культуры и русской старины. Западников Ключевский остерегал от повсеместного упоения плодами новоевропейской культуры. «Наши западники все еще заучивают западные учебники слово в слово и не умеют передавать их своими словами. Для них западная культура – все ее работа памяти, а не осознание» [5, т. 9, с. 395]. Аргументированный довод Ключевского в обе стороны сводился к следующему: в любом общественном укладе и культурном образовании запечатлены и достойные, и негативные традиции.

Цель статьи – рассмотреть оценочные взгляды Ключевского в отношении славянофилов на примере деятельности двух его современников, историков – Константина Николаевича Бестужева-Рюмина (Петербург) и Ивана Сергеевича Аксакова (Москва).

По наблюдениям Ключевского, полемика ранних славянофилов 30–40-х гг. XIX столетия локализовалась в московских салонах, к концу 50-х годов она перетекла в залы, где заседали разного рода общественные и благотворительные организации. Себя по возрасту он прямо причисляет к поколению, «чье историческое мышление пробуждалось в то время, делая первые усилия в познании родного прошлого» [4, с. 164]. В 1860-е гг., т. е. во время отмены крепостного права, интеллектуальная полемика развернулась с новой силой, но уже на страницах периодических изданий.

К.Н. Бестужев-Рюмин сотрудничал с журналом «Отечественные записки» как критик и библиограф. Он придерживался либерально-умеренных взглядов. Его работа в журнале часто была связана с текущими литературными обзорами и полемикой с более радикальными изданиями, вроде «Современника». По наблюдениям Ключевского, журнальная рефлексия профессора отражала «органический взгляд на развитие народной жизни» [5, т. 7, с. 362]. При этом многие идеи Бестужева-Рюмина кристаллизировались у него при разборе и критике чужих мыслей. В рассуждениях Бестужева-Рюмина, жизнь народов настолько разнообразна, что трудно создать цельное представление об общем историческом развитии. Каждая культура самоценна. Эту мысль из текстов Бестужева-Рюмина Ключевский выделяет особо и цитирует, что «развитие человечества совершается не в преемственной передаче цивилизации, а во внесении новых сторон» [5, т. 7, с. 357]. Множество событий и обстоятельств смешиваются, на первый взгляд, в беспорядочном вихре, но постепенно, со временем они начинают формировать устойчивые культурные образования. С таким подходом солидаризировался литературовед А.Н. Пыпин, который в своем двухтомном сочинении

«История славянских литератур» (1874-1881) исходил из идеала общечеловеческой культуры. Он ратовал за процесс единства славянских культур, однако считал, что предварительно каждая должна пройти стадию «обретения» себя и только после этого – соединения с другими.

Впоследствии Ключевский не раз будет возвращаться к журнальной полемике 60-х годов XIX. Он конструктивно оценит сложившийся тогда в исторической литературе подход: рассматривать вопросы истоков и форм смены культурных образований; взаимоотношений интересов великой личности, правящего сословия и народа, а также другие важные темы исторического прошлого, в контексте когнитивной напряженности поиска смысла истории. Приветствуя выход первого тома «Русской истории» Бестужева-Рюмина (СПб., 1872) Ключевский фиксирует тот факт, что автор не учитывает выводов теории родового быта и объясняет происхождение и расселение восточных славян спецификой их семейно-общинного уклада жизни. Имеющееся рассредоточение взглядов по этому вопросу у четырех историков – С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, К.Н. Бестужева-Рюмина и самого В.О. Ключевского – уже проанализировано ранее в статье «Историософские взгляды К.Н. Бестужева-Рюмина в оценке В.О. Ключевского» [7]. Для обрамления мысли позволю себе повторить нужный фрагмент из этой публикации, касающийся теории родового быта: «Эта ошибка, на взгляд Ключевского, влечет за собой искаженную трактовку непосредственных причин эпохи феодальной раздробленности. Как результат, происхождение и смысл удельного периода объясняется в «Русской истории» не трансформацией родовых отношений в государственные (С.М. Соловьев) и не крепостью племенной федерации (Н.И. Костомаров), а неким «переплетающимся взаимодействием многих начал». Такое объяснение со стороны автора остается не расшифрованным. Бестужев-Рюмин не видит потенциал дальнейшего развития теории родового строя, сформулированной Соловьевым. И это выглядит по меньшей мере странным, учитывая два обстоятельства: первое – Бестужев-Рюмин не раз признавал, «какую пользу принесли ему самому лекции С.М. Соловьева, посвященные развитию исторического знания в России»; второе – среди достоинств многотомного труда московского профессора «История России с древнейших времен» (1851-1879) он особо отмечал идею «смены родовых отношений государственными» (цит. по [7, с. 165–166]).

В письме к однокласснику по Пензенской духовной семинарии П.П. Гвоздеву от 21 апреля 1862 г. Ключевский отмечает, что большинство публикаций участников обсуждений или споров написаны «по поводу» чьих-то статей, выступлений или книг. Он пишет: «Борющиеся стороны или лагеря страшно перепутываются. Чичерин твердит об идеальном государстве–народе и народе–государстве (по его – это одно и то же), ратует за выделение в изолированное сословие дворянства, а Громека и Бестужев-Рюмин стреляют в него из «Отечественных записок» здоровенными залпами. «Современник» колотит по носу славянофилов, вопиет о бедствии пролетариев и честит по-русски праздную умозрительную философию. Буслаев,

любитель и поклонник народности, пушит духовенство и славянофильское учение о русском народном духе, а «Современник» в лице Пыпина катает и Буслаева. Аксаков с своим «Днем» отстреливается исподтишка, а Соловьев мечет стрелы в Костомарова за его увлечения «богопротивную» статью о басне, выдуманной народом, что ли, или кем другим, будто Сусанин спас царя. Соловьев говорит: «Спас! Костомаров соврал!» – и обнаруживает по-ползновение объяснить дело духом народа, по-славянофильски. Вот как! Соловьев, западник, не прочь протянуть руку славянофилам? Славная идет возня в журналистике!» [5, т. 9, с. 210].

Заключительные слова из выше приведенной цитаты о «славной возне в журналистике» по форме выглядят иронично, но по сути говорят о том, какой внимательный интерес испытывал Ключевский к научной и общественной критике, льющейся со страниц пореформенных журналов 1860-х гг. Большой резонанс в разгар отмены крепостного права получили три эпистолярных дискуссии. Содержательная полемика наблюдалась между К.Н. Бестужевым-Рюминым и Б.Н. Чичериным. Первый написал в «Отечественных записках» статью «Историческое и политическое доктринерство в его практическом положении (По поводу вступительной лекции, читанной г. Чичериным в Московском университете)» (1861); второй ответил целым рядом статей в газете «Наше время», разместив впоследствии их в свою книгу «Несколько современных вопросов» (М., 1862). Другая полемика шла между А.Н. Пыпиным и Ф.И. Буслаевым. Первый написал в «Современнике» статью «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине» (1861); эпистолярная реакция второго отразилась на страницах «Отечественных записок» «Ответ г. Пыпину на его статью под заглавием «По поводу исследований г. Буслаева о русской старине» (1861). Еще один немаловажный журнальный диалог прозвучал в статьях Н.И. Костомарова и С.М. Соловьева. Первый написал в «Отечественных записках» статью «Иван Сусанин (Историческое исследование)» (1862); второй напечатал в «Наше время» ответ «Истрия и современность. По поводу сочинения Короновича и статьи Костомарова о Сусанине» (1862) [5, т. 9, с. 477–478].

На дистанции сегодняшнего дня видно, что славянофилы отстаивали свободу слова, осуждали западничество и нигилизм. Так, С.С. Громека слыл «звездой» обличительной публицистики того времени. В «Отечественных записках» он публиковал громкие статьи о полицейских злоупотреблениях и административном произволе. Внешне его статьи носили практико-применительный характер, однако остро ставили проблемы взаимоотношений государства и общества, власти и народа. Это вызывало огромный общественный резонанс, так как он сам был бывшим чиновником и знал систему изнутри.

Среди тех, кто всегда своим творчеством был верен преданиям славянофилов, Ключевский особо выделял Ивана Сергеевича Аксакова. В его памяти осталось время, когда студенты и молодые преподаватели «толпами ходили слушать его» на заседаниях Славянского благотворительного коми-

тета, какой интерес вызывала история славянских народов в пореформенных университетах России [4, с. 318]. В какой-то степени, на примере отношения Ключевского к публицистическому таланту Аксакова можно подняться выше и заговорить об оценочной значимости славянофильства в понимании историков-позитивистов.

Аксаков издавал в Москве ряд знаковых славянофильских газет, ставших главными органами этого движения: «День» (1861–1865), «Москва» (1867–1868) и «Русь» (1880–1886). Эти издания отличались разной степенью критики правительственных действий. Одни его авторы отстаивали принципы «самобытности», выступали за созыв Земского собора, свободу печати, но при этом занимали консервативные позиции по национальному вопросу и борьбе с нигилизмом, другие – занимались освещением славянского вопроса и отстаиванием национальных интересов. Однако на практике тот факт, что все они в целом оправдывали действия правительства, помогал довольно слабо: издания не раз сталкивались с превентивными предписаниями и запретами. В частности, об одном из таких цензурных предостережений в адрес газеты «Москва» пишет Ключевский в письме Гвоздеву от 22 января 1867 г. Прецедент сводился к тому, что меценатам издания, замоскворецким купцам, не понравилась критика о высшем московском иерархе Филарете, и они пригрозили редактору приостановкой финансирования газеты. Интересное наблюдение: автор письма сокрушается, что Аксаков в издательском деле «до сих пор не обнаружил особого таланта» [5, т. 9, с. 252]. Между тем, Ключевский всегда высоко ценил публицистический дар Аксакова. Он говорил: «Я много лет и с великой любовью следил за его деятельностью как публициста, ... так, как писал Аксаков, должен чувствовать всякий честный русский человек» [4, с. 318].

Ключевский подготовил в 1886 г. одну специальную статью об Аксакове. Она называлась «И.С. Аксаков». По своей форме в первой части она представляла собой некролог, искренний и душевный, по поводу кончины «нашего сочлена», как выразился сам автор [4, с. 317], а во второй – интеллектуальную рефлексию по поводу того, почему И.С. Аксакова называют славянофилом. И эта часть выглядит весьма любопытной. Здесь Ключевский предлагает трехмерное понимание мировоззрения Аксакова: «славянофил», «последний славянофил», «первый славянофил».

Аксаков – «славянофил», но только исключительно в контексте своей родословной. Действительно, пишет Ключевский: «... он родился и вырос в кружке, в котором некогда много говорили и писали о гниении Запада, об отношениях новой России к древней, – вот и все его славянофильство [4, с. 318]. Масштабы значимости такой салонной полемики 30-40-х гг. XIX столетия Ключевский оценивает весьма саркастически. «Славянофильство – история двух, трех гостиных в Москве и двух, трех дел в московской полиции», – пишет он в своих дневниковых заметках [5, т. 9, с. 444].

Аксаков – «*последний славянофил*», но только в том смысле, что «у него не будет преемника», который бы смог восполнить место, какое по образу чувств и мыслей занимал Аксаков в славянофильской школе [4, с. 318].

Аксаков – «*первый славянофил*», в настоящем понимании этого слова это означает, что он широким взглядом смотрел на положение и практические задачи своего народа, отстаивал «живое патриотическое разумение русских и славянских интересов» [4, с. 318]. Будучи «первым» или «новым» славянофилом, Аксаков представлял историю как результат деятельности человека по улучшению своей жизни, предлагал использовать потенциал веровательной религиозной силы для решения насущных практических проблем.

Сравнивая деятельность К.Н. Бестужева-Рюмина и И.С. Аксакова, глазами В.О. Ключевского, в какой-то мере можно говорить об их принадлежности к разным историческим школам. Бестужев-Рюмин, в традициях научной петербургской школы, занимался поисками культурной идентичности славянских народов и российского общества с помощью источниковедческих занятий, сквозь призму герменевтической критики источников. Аксаков как представитель московской интеллигенции привносил в историческую науку интерес к родной истории и к желанию решать социальные вопросы. Бестужев-Рюмин проявлял типологизаторские навыки ученого, двигал науку, Аксаков использовал свой публицистический дар, чтобы просвещать людей, стимулировать их к самостоятельности мышления.

Двигаясь к обобщению изложенных в статье суждений, можно сделать вывод, что на свой внутренний вопрос о смысловой значимости славянофильства Ключевский отвечал следующим образом. Славянофильство – это не просто учение или известный образ мыслей и чувств. Можно сказать, что славянофилом является любой, в том числе и сам Ключевский, кто старается овладеть таким способом мышления, чтобы пробурить в себе способность не заимствовать, а самостоятельно рефлексировать по поводу исторического прошлого и его рецепции в настоящем. Славянофильство, в интерпретации Ключевского, это нескончаемый процесс, это идеи, нацеленные на поиск культурной идентичности, которые формулировались задолго до известной журнальной и салонной полемики тридцатых-сороковых годов девятнадцатого столетия, и будут продолжать наполняться новым содержанием в будущем. Таким образом, конструктивно-критическая оценка Ключевского помогала ему равным образом удерживать и славянофилов, и западников в их перманентном желании занять крайние позиции мнений. Равным образом он критиковал славянофилов за идеализацию форм классической культуры и русской старины, и урезонивал западников в их идеализации новоевропейской культуры.

Список литературы

1. Андреев И.А. Мировоззрение славянофилов в интерпретации Анджея Валицкого // Философский журнал. 2025. Т. 18. № 3. С. 173–185.

2. Воробьева С.А. Модель отечественного образования в учении ранних славянофилов // Актуальные проблемы науки и практики. 2025. № 2 (40). С. 48–52.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
4. Ключевский В.О. Неопубликованные произведения / отв. ред. М.В. Нечкина, М.: Наука, 1983. 415 с.
5. Ключевский В.О. Сочинения. В 9-ти т. Т. 7. Специальные курсы (продолжение). Т. 9. Материалы разных лет. М.: Мысль, 1989. 508 с.; 525 с.
6. Ковалева Е.О., Косарская Е.С. Спор славянофилов и западников о преемственности традиций и его рецепция в пореформенной России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2018. № 3. С. 108–119.
7. Михайлова Е.Е. Историсофские взгляды К.Н. Бестужева-Рюмина в оценке В.О. Ключевского // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2024. № 3 (69). С. 162–169.
8. Чапаева Л.Г. Славянофил и западник: два типа русского интеллигента (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 115–121.

THE SEMANTIC SIGNIFICANCE OF SLAVOPHILISM IN THE EVALUATION OF V. O. KLYUCHEVSKY

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The evaluative views of V.O. Klyuchevsky on the legacy of the Slavophiles are studied. A multivariate view of history helped the positivistically oriented scientist to act as a constructive and critical observer, able to «get away» from the extremes of the Slavophile-Westernist dispute. To understand the issue, V.O. Klyuchevsky's reflection on the activities of two representatives of the Slavophiles, K.N. Bestuzhev-Ryumin and I.S. Aksakov, is presented. Identifying their strengths and weaknesses, Klyuchevsky came to the conclusion that Slavophilism is an endless stream of thoughts aimed at the search for cultural identity. The ideas of the Slavophiles about the importance of independent thinking were formulated long before the famous magazine and salon polemics of the thirties and forties of the nineteenth century, and will continue to be filled with new content in the future.

Keywords: *culture, Slavophiles, Westernizers, self-awareness, V.O. Klyuchevsky, K.N. Bestuzhev-Ryumin, I.S. Aksakov.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философский наук, профессор кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»; SPIN-код: 9444–1370; e-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenievna – PhD, Prof., Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 16.03.2026.

Дата принятия рукописи в печать: 16.04.2026.